

того, что значило: Европа, равновѣсіе, Наполеонъ. Представителю русскаго народа послѣ того, какъ врагъ былъ уничтоженъ... дѣлать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кромѣ смерти. И онъ умеръ“¹⁾.

Толстой нашелъ положительный идеалъ историческаго дѣятеля въ народѣ, въ глубинѣ народной жизни. Каковъ этотъ типъ? Въ общемъ мы его охарактеризовали. „Въ русской жизни, — пишетъ Ап. Григорьевъ:—онъ (Толстой. М. Л.) видитъ только отрицательный типъ простаго и смирнаго чело-вѣка и привязался къ нему всею душою“²⁾.

Но эта пассивность характеризуетъ у Толстого не только отдѣльных членовъ народа, она является какъ бы принципомъ всѣхъ совершающихся въ русской исторіи событій. Шенграбенское сраженіе въ австрійской кампаніи выиграно какъ оборонительное, Бородинское — тоже, хотя потери русскихъ и были громадныя: русскій лагерь, „потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія“. Еще замѣчательнѣе то, что, по мнѣнію Толстого, Москву никто не зажегъ; поджигателей-инициаторовъ не было, „она сама за-жгла съ оттого просто, что перестала быть прежней Москвой, живымъ ульемъ“. А съ другой стороны, всѣ сраженія русскихъ, предпринятыя противъ французовъ со времени ихъ отступленія, — начиная съ Тарутина и кончая Краснымъ и Березиной, — всѣ были неудачны, даже болѣе того: „отступленіе французовъ изъ Москвы есть рядъ побѣдъ Наполеона“³⁾. Въ наступательной роли русскій героизмъ терпитъ пораженія.

„Не замай, дай подойти“ — дивное названіе для картины партизанской войны⁴⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ русскаго героизма, пассивнаго, смирнаго. Русскій народъ по Толстому претерпѣваетъ многое, совершающееся на его глазахъ, но онъ ждетъ, покауда врагъ не только подойдетъ, но и начнетъ бить, чтобы потомъ „навалиться всѣмъ народомъ“⁵⁾. И вотъ, эта „русская“ черта сказывается въ „неофициальной части рѣчи Кутузова: онъ уже готовъ пожалѣть этихъ ободранныхъ нищихъ, жалкихъ „міродѣровъ“ (какъ прекрасно иногда варьируется въ устахъ народа иностранное слово!), но сознаніе того, что на него напалъ, убиваетъ минутную вѣпшыку состраданія — „а и то сказать, кто же ихъ къ намъ звалъ? — Подѣломъ...“

¹⁾ Ibid. Т. IV, стр. 251.

²⁾ См. И. Страховъ „Критическ. статьи etc.“, стр. 324.

³⁾ „В. и М.“. Т. IV, стр. 207.

⁴⁾ Названіе одной изъ картинъ Верещагина серіи войны 12-го года

⁵⁾ Т. III, стр. 237. курсивъ Толстого.